

ЛУКОМОРЬЕ

2 г. ИЗДАНІЯ
№ 4
1913

Лейбъ-гвардія Егерскій полкъ.

Авт. П. Смуковича.

ЛУКОМОРЬЕ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И САТИРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛЪ.

Ставящій своею задачею художественное отраженіе жизни во всѣхъ ея областяхъ.

Въ настоящее время особенное вниманіе удѣляется войнѣ, событія которой иллюстрируются извѣстными художниками.

Въ журналѣ печатаются повѣсти, рассказы, фельетоны, стихи лучшихъ современныхъ писателей, помѣщаются произведенія выдающихся художниковъ, даются иллюстраціи событій, карикатуры, шаржи.

Особенностью журнала являются красочные рисунки.

Открыта подписка

на второй годъ изданія 1915-ый. Цѣна на годъ съ доставк. и перес.—9 р., на полгода—5 р., на 3 м.—3 р., на 1 м.—1 р. 50 к.

Деньги просятъ адресовать: Петроградъ, Невскій пр., д. 40. Конторѣ журнала «Лукоморье». Подписка принимается кромѣ того въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» въ Москвѣ, Одессѣ, Саратовѣ, Ростовѣ на Дону и Харьковѣ.

Редакторъ-Издатель М. А. Суворинъ.

Завѣдыв. художеств. отдѣломъ Г. Магула.

МАГАЗИНЪ:
Петроградъ, Невскій пр. д. 30.

Вспомогательная борная кислота.
Устраняетъ запахъ испарения.
Мягчитъ и смягчаетъ кожу.
Идеаленъ, какъ
детская присыпка.
№ 6 «Брокеръ» к?

МАГАЗИНЪ:
Петроградъ, Невскій пр. д. 30.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛУКОМОРЬЕ.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩИЕ КНИГИ:

1. Д. ВЕРГУНЪ—Что такое Галиція? Ц. 35 к.
Обложка Д. Митрохина.
2. Сергѣй ГОРОДЕЦКІЙ—Четырнадцатый годъ. Ц. 1 р.
Обложка Е. Нарбута.

БОГАТѢЙШИЙ ВЫБОРЪ
АНГЛІЙСКИХЪ ДАМСК. БЛУЗЪ
ШЕЛКОВ., ФЛАНЕЛЕВ. и шерстян.

ГОТОВЫЯ и НА ЗАКАЗЪ
въ специальномъ магазинѣ

П. С. КУЗНЕЦОВЪ.

ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ ВЪЛЪЯ.

Невскій пр., 66. Телефонъ 196-02.
Фирма отдѣленій не имѣетъ.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **АЛЕКСАНДРЪ** ПРЕДМЕТЫ ДЛЯ ПОДЪЯРМОВЪ И КОМНАТНОЙ ОБСТАНОВКИ

Журналъ «Лукоморье» набирается на машинѣ «Монотипъ».

БИБЛИОТЕКА
Академии Наук
СССР

Ген.-лейт. Ханъ-Гуссейнъ-Нахичеванскій.
Высочайше награжденъ орденомъ Св. Георгія 3-й степени.

ЛУКОМОРОЕ

№ 4.

24 января 1915 г.

Красенскій звонарь.

Пограничная рѣка Збручъ течетъ въ крутыхъ берегахъ и лѣвый русскій и правый австрійскій оба высокіе и сразу падаютъ къ водѣ, но все же австрійскій выше, какъ и подобаешь быть правому берегу. Въ томъ же мѣстѣ, гдѣ впадаетъ въ Збручъ рѣченка Красенка, образуя мысъ, русскій берегъ замѣтно понижается и полого спускается къ водѣ. На мысу лежитъ большое село Красенки, посреди него широкая площадь, а на площади бѣлая церковь во имя Успѣнія Пресвятыя Богородицы, прямо противъ церкви перевозъ на тотъ берегъ, а на томъ берегу у перевоза еврей Иона Бурмахеръ держитъ постоянный дворъ «Паньска Хатынка».

Въ базарные дни въ Красенки съѣзжалось много народу, прѣзжали даже изъ Буковины и тогда «Паньска Хатынка» и перевозъ работали на славу и улыбался довольно старый Иона, сыная въ кожанный мѣшокъ вырученные за день блестящіе цванцигеры за пиво и мѣдные гроши за перевозъ.

Но больше всего любилъ Иона русскіе праздники. Тогда перевозъ вмѣ-

сто двадцати оборотовъ дѣлалъ сорокъ, переполненный народомъ до того, что приходилось брать третьяго работника, чтобы тянуть стальной канатъ. Въ эти дни ни одна сотня богомольцевъ спѣшила въ Красенки, чтобы помолиться въ православной церкви, не подъ зоркимъ окомъ униатскихъ поповъ. Но Руси есть веселіе нити, и благочестивые зарубежные прихожане, получивъ отпущеніе грѣховъ у отца Пафнутія, осушали ни одну кварту пива, а нѣкоторые особо почитаемые посѣтители въ отдѣльной комнатѣ пили русскую водку.

Такъ было уже изстари заведено и все шло хорошо и каждый годъ свозилъ Иона въ Кременецъ новую тысячу рублей въ отдѣленіе Бессарабскаго банка.

Съ войной все перевернулось, базары въ Красенкахъ опустѣли, перевозъ работалъ плохо, а вскорѣ паромъ отвели и поставили у пристани на русской сторонѣ и Иона одиноко сидѣлъ за прилавкомъ «Паньской Хатынки», проклиная сербовъ, которые, по его мнѣнію, были единственными виновниками войны.

— О, вредный народъ эти сербы, разъ изъ-за нихъ воюють такія двѣ великія державы, какъ Австрія и Россія. Да что такое Сербія? Пхе, дунуль,—и нѣтъ Сербіи, а вотъ подите же.

Но совсѣмъ иного мнѣнія былъ неизмѣнный собесѣдникъ Ионы Бурмахера старый звонарь Игнатій Рыбко.

— Нѣтъ, Иона, не то ты говоришь,— не сербы вредный народъ, а вотъ мадьяры, да австріяки ото вредный народъ.

Но Иона качалъ головой. Какое дѣло ему до сербовъ, онъ съ ними никогда не имѣлъ дѣла, никогда ни одинъ сербъ не вынулъ въ «Паньской Хатынкѣ» ни полкварты пива, ни одной капли водки, а вотъ панъ Ротмаулеръ, даромъ, что австріякъ, а знаетъ толкъ въ русской водкѣ, и каждую недѣлю возилъ ему Иона изъ Красенковъ по четверти.

Не согласившись, собесѣдники расходились, Иона въ лодкѣ переправлялся черезъ рѣку, и снова садился за прилавокъ, ожидая заблудившагося путника, а старый Рыбко, либо шелъ

къ отцу Пафнутію, либо на колокольню, если того требовала надобность.

II.

Наканунъ Успеня, отзвонивъ ко всенощной, старый Рыбко шелъ домой въ самомъ благодушномъ настроеніи духа, напѣвая про себя приличествующій наступающему празднику тропарь. Два обстоятельства способствовали его радости—праздничная служба, а слѣдовательно, соответственный торжеству звонъ и завтрашній базарь.

Сорокъ лѣтъ звонилъ уже Рыбко и любилъ звонъ какъ искусство, и точно въ этомъ дѣлѣ былъ онъ великій мастеръ и славился по всей округѣ. Неоднократно объѣзжая епархію, призывалъ его преосвященный и сминавалъ къ себѣ въ губернской соборъ, по каждый разъ Рыбко отказывался, благодаря за милость.

Онъ привыкъ къ своей колокольности, онъ зналъ всѣ свои колокола, любилъ ихъ, какъ живыя существа, и каждый разъ, когда подвѣшивали новый колоколъ подолгу названивалъ его. «Новый обучаю, чтобы согласно звучалъ»,—говорилъ онъ каждый разъ, когда прихожане удивленные непривычной нестройностью звона спрашивали: «И не надоѣло тебѣ, Игнатій, возиться съ нимъ»,—и прибавлялъ: «Колоколъ онъ живой, его тоже обучить надо, какъ человѣка».

И точно проходило время и новый начиналъ звучать на диво согласно вмѣстѣ съ прочими.

Такъ шла о немъ слава, какъ о чудесномъ звонарь, и случалось, что пріѣзжали любители чуть не за сто верстъ послушать его. Особымъ искусникомъ былъ старикъ въ набатѣ, и когда ударялъ онъ въ большой колоколъ, густой гулъ его слышенъ былъ на семь верстъ до самыхъ Дідовнчей, что лежали на Кременецкомъ тракѣ.—«Набатъ твой Игнатій звучитъ, что гласъ гнѣва Господня»,—часто говорилъ отецъ Пафнутій, на что неизмѣнно получалъ отвѣтъ,—«набатъ, отецъ Пафнутій, положенъ при бѣдствіи, а бѣдствіе—ни что иное, какъ гнѣвъ Божій».

Но возвращаясь въ канунъ Успеня, Рыбко былъ радостенъ и мысли его далеки были отъ какого-то ни было несчастья.

Подойдя уже къ своей хатѣ, столкнулся онъ лицомъ къ лицу съ Іоной.

— Добрый вечеръ, купецъ,—при-

вѣтствовалъ Рыбко пріятеля, но старый еврей досадливо отмахнулся рукой и сказалъ:

— Дай Богъ, чтобы онъ былъ не послѣднимъ. Какой по нынѣшнимъ временамъ можетъ быть добрый вечеръ, всѣ теперь стали плохіе.

— Что такъ?—удивился старикъ.

— А то,—раздраженно заговорилъ еврей:—а то, что до этой проклятой войны, которую затѣяли эти дурни сербы, старый Іона въ 10 часовъ закрывалъ перевозъ и корчму и считалъ цванцигеры, да звалъ еще Менделя на помощь, чтобы не просчитаться, а теперь къ вечеру у него въ кошелѣ хорошо, если на цванцигеръ наберется мѣди.

— Это, конечно,—соглашался Рыбко:—торговля теперь стала, а все же не хорошо говорить такъ про войну, нынче у насъ святая война, потому что воюемъ мы за святое дѣло. И тебѣ Іона нечего Бога гнѣвить,—у другихъ послѣдніе работники ушли, а у тебя въ Кременцѣ сколько лежатъ у касѣ.

— Ну, хорошо,—соглашался Іона:—пусть будетъ по вашему, только вотъ въ касѣ у меня ей-Богу же только двѣсти карбованцевъ на старость припасены, и вы напрасно меня упрекаете,—и вдругъ, понизивъ голосъ, сказалъ:—плохо дѣло наше, панъ Игнатій.

Старикъ вопросительно посмотрѣлъ на еврея.

— Не вѣрите, такъ слушайте, что я вамъ скажу: нынче приѣзжалъ до меня кривой Мосейка и сказалъ, что въ Залещикахъ стоятъ австріяки, много австріяковъ, и что онъ слушалъ самъ своими ушами, что они собираются итти въ Красенки. Я думалъ, что онъ брешетъ, а онъ, что бы вы себѣ подумали сказалъ: такъ дайте мнѣ покушать свиного сала, если я вру. Я думаю пойти до пана урядника и разсказать.

Рыбко не былъ сегодня въ расположеніи выслушивать длинныя изліянія Іоны, неизмѣнно сводившіяся къ жалобѣ на плохія дѣла и потому не задерживалъ его, какъ обычно. Придя домой, онъ почти тотчасъ легъ спать, чтобы на завтра поспѣть къ ранней обѣднѣ.

III.

Шелъ двѣнадцатый часъ дня. Передъ крестнымъ ходомъ спустился Рыбко съ колокольни, чтобы потолкаться немного по базару. Онъ любилъ базарную суету и гамъ, любилъ послушать, какъ до седьмого поту

торгуются изъ-за мѣдного пятака, какъ клопочуть куры, визжать поросята, любить бабы пестрые наряды, запахъ кожи и дегтя.

Базаръ, несмотря на войну, былъ довольно оживленнымъ, съѣхалось много народу отовсюду, недоставало только буковинцевъ, теперь переходъ черезъ рѣку былъ запрещенъ.

Около одного изъ лотковъ встрѣтился онъ съ Іоной. Корчмарь былъ недоволенъ.

— Что это за базаръ,—началъ онъ свою воркотню, не отвѣтивъ на привѣтствіе:—развѣ это базаръ, когда нѣтъ буковинскихъ, не будь я Іона Бурмахеръ, если не увезутъ до дому больше половины товара. Ну, скажите, мнѣ, панъ Игнатій, я хочу знать, кто будетъ теперь покупать поросятъ или коровъ, когда придутъ австріяки и заберутъ все себѣ па обѣдъ. Хотѣлъ бы я видѣть такого дурня, чтобы купилъ поросенка.

Рыбко былъ веселъ. Сегодня на колокольнѣ онъ превзошелъ самого себя, сегодня такъ пѣли колокола, что даже такой знатокъ церковнаго звона, какъ свѣчной староста панъ Андрей Швыткин, что торгуетъ кожами, не удержался, чтобы не сказать:

— Чтобы тамъ не говорили, панъ Игнатій, а вы большой мастеръ ходить до мене після обидни на пироги, у жинки еще добра сльвянка.

Слушая воркотню Іоны, улыбался старый Рыбко, глядя, какъ здоровая молодайка совала въ ротъ неистово орущему младенцу леденецъ, щетно уговаривая его замолчать.

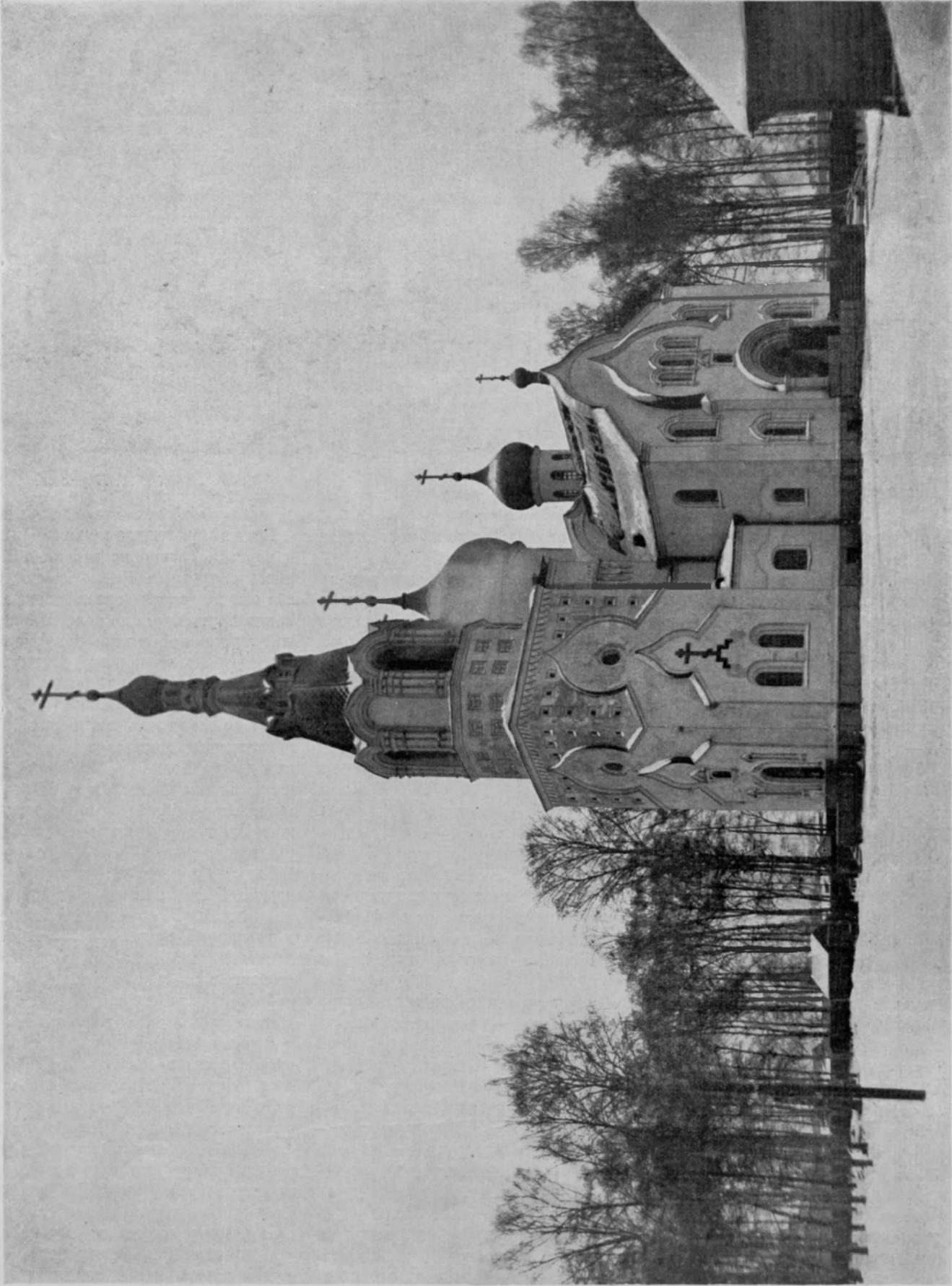
— Годи сыночку, годи серденко, ось продасть батько порося заразъ пондемъ до дому.

Но сыночку, ни сколько не прельщаясь леденцомъ, оралъ благимъ матомъ. Наконецъ, Іона донялъ пана Игнатія своими жалобами.

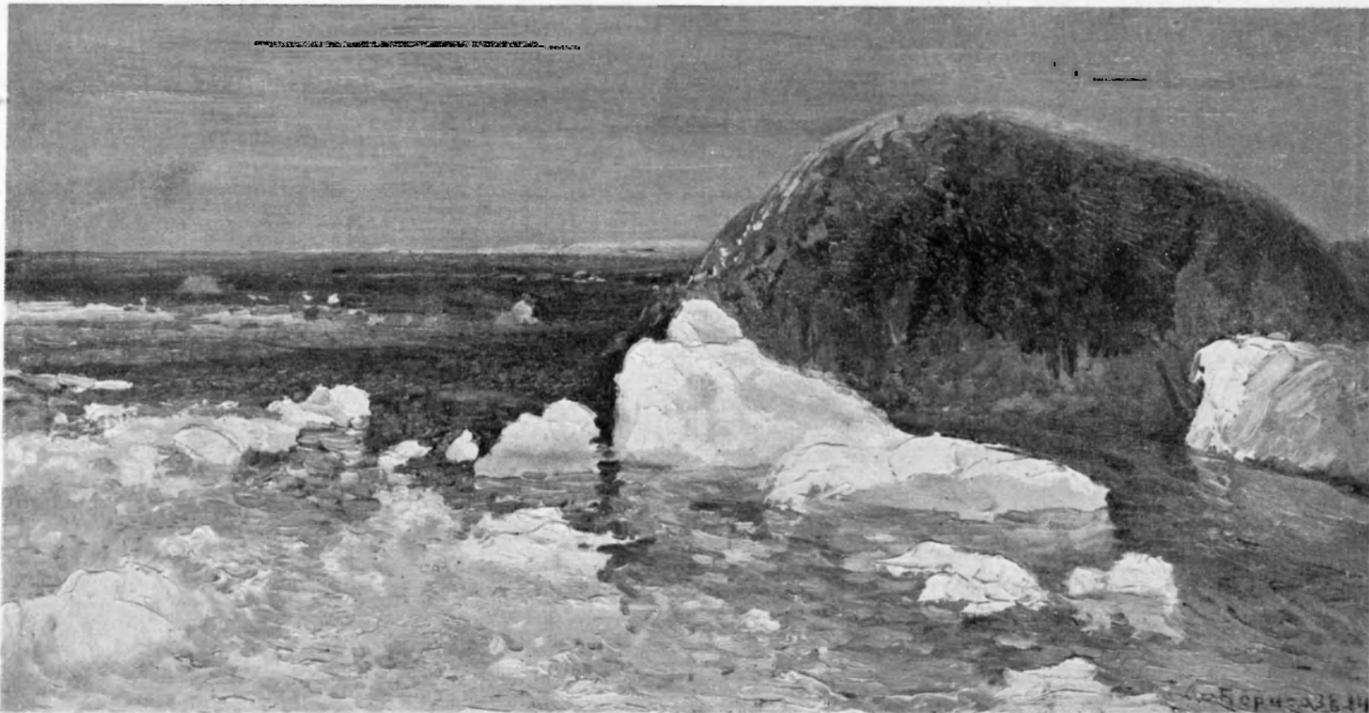
— Охъ, якій же настырний, ты Іона, и чего прилипъ ко мнѣ, якъ репей до коровьяго хвоста.

— А то що, придуть австріяки и покажутъ вамъ такой базаръ шо до четвертаго колѣна помнитъ будете.

— А нехай идутъ,—равнодушно отозвался Рыбко:—знаю я ихъ въ сорокъ девятомъ годи, когда я служилъ въ казакахъ въ генерала Краснова полку, бачили мы, якъ этихъ австріяковъ венгерцы лупцовали и у Сегедини, и у Дебрецини, и подъ Вайценымъ. Когда бъ не нашъ государъ Николай Павловичъ, да не князь Иванъ Федоровичъ, да не нашъ атаманъ Василій Афанасевичъ, не

Недавно освященный старообрядческий храм на громовском кладбище въ Петроградѣ.

На Бѣломъ морѣ.

А. Борисовъ.

сидѣлъ бы теперь Хранецъ Иосифъ у Вѣнѣ, да не було бѣ австріякской державы. Не больно мы ихъ испугались, нехай приходять.

— Ой, чуетъ мое сердце, не кончится добромъ базаръ,—причиталъ Иона, не отступая шага отъ звонаря.

— На все Господня воля,—отвѣтилъ Рыбко:—жили себѣ слава Богу, а придетъ кончина,—всѣ помремъ,—и пошелъ къ колокольнѣ, чтобы встрѣтить крестный ходъ.

IV.

Никогда еще такъ не пѣли красенскіе колокола и никогда такъ радостно не было на душѣ у стараго Рыбко. Съ каждымъ размахомъ чувствовалъ онъ, какъ прибывали у него силы и съ каждымъ ударомъ гуще и торжественнѣе гудѣлъ большой колоколъ и заливались серебрянымъ перезвономъ малыя. Солнце поднялось уже высоко, такъ высоко, какъ можетъ оно только подняться въ срединѣ августа и слегка косые его лучи падали на блестящую мѣдь колоколовъ и слѣпили глаза Рыбко. Вѣтеръ, дружно гнавшій легкія осеннія облака по ясному синему небу, дулъ звонарю въ загорѣлое морщинистое лицо, а развѣвавшіеся сѣдые волосы щекотали ему глаза, словно поцѣлуй невидимыхъ ангеловъ.

Ударивъ послѣдній разъ и прислушиваясь къ тому, какъ затихалъ колокольный звонъ и возрастало пѣніе

хора, смотрѣлъ Рыбко на небо, слѣдя за облаками.

Насколько хваталъ глазъ, лежали кругомъ скошенные поля и луга и далеко вился въ крутыхъ тѣсныхъ берегахъ прихотливый Збручъ и въ ясной водѣ его плыли опрокинутыя облака.

Подъ крышей ворковали степенные голуби и чирикали воробьи, радуясь теплу и солнцу, а высоко въ небѣ черной точкой неподвижно висѣлъ коршунъ.

— Благочестивѣйшаго Государя нашего,—донеслись до Рыбко слова ектени и перекрестившись, вспомнилъ старикъ, какъ 60 лѣтъ тому назадъ въ этой же церкви, тогда еще почти безусый юноша, отецъ Пафнютій призывалъ благословеніе Божіе на великаго прадѣда нынѣшняго Царя.

«Шестьдесятъ лѣтъ прошло,—подумалъ старикъ:—шестьдесятъ лѣтъ и вотъ онъ дожилъ до новой великой войны, которую объявилъ неблагодарный вѣроломный монархъ правнуку своего избавителя.

Много ушло на войну, пятеро внуковъ, семеро правнуковъ—двое въ родной полкъ, остальныхъ разбросала судьба, кого въ Пруссию, кого подъ Львовъ, кого и въ Польшу.

Внизу гудѣлъ базаръ, казалось безцѣльно двигались и толпились люди, что-то выкрикивая, о чемъ-то спора.

Вотъ цѣлуются два мужика—рыжій и черный, словно не видались Богъ вѣсть сколько, а Рыбко знаетъ, что оба они изъ одной деревни, вотъ хлопаютъ другъ друга по поясницѣ и рыжій тащитъ пріятеля за полу свитки, должно быть въ корчму, потому что за рукавъ чернаго уцѣпилась баба и не пускаетъ.

Рыбко подошелъ къ периламъ и перегнувшись посмотрѣлъ на церковный дворъ. Толпа стояла, что-то слушающая, должно быть, отецъ Пафнютій говорилъ проповѣдь, но за несмолкаемымъ гуломъ базара нельзя было различить словъ.

Голуби ворковали, сидя на выступѣ. Рыбко вынулъ изъ кармана корку хлѣба, крошилъ на ладонь и протянулъ руку.

Сизый съ бѣлою грудью голубъ безбоязненно сѣлъ на ладонь и заворковалъ, приглашая подругу. Такая же, какъ и онъ голубка, только поменьше, сѣла на руку и оба поочередно стали клевать. Когда осталась одна крошка, голубъ оставилъ ее голубкѣ и вспорхнулъ, приглашая клюнуть. Старикъ не выдержалъ и, взявъ свободной рукой великодушную птицу, поцѣловалъ ее въ голову и бросилъ въ воздухъ. Голубъ взмахнулъ нѣсколько разъ крыльями и опустился ему на плечо, тогда старикъ, искрошивъ весь хлѣбъ, повернулся и пошелъ къ колоколамъ.

V.

Служба уже кончалась, еще десяток ударов и можно спуститься вниз, чтобы идти на пирогъ и сливянку къ Швыткому. Вотъ уже три удара, вотъ два, вотъ послѣдній, но Рыбко не торопится, онъ ждетъ пока затихнетъ колоколь, когда замолкнетъ не тревожимая больше мѣдь.

Посмотрѣвъ на небо, онъ замѣтилъ, какъ стрѣлой ринулся коршунъ на земь и слѣдя его паденіе, опустил глаза на площадь. Необычайное зрѣлище привлекло его вниманіе.

Шумный, веселый и пестрый базаръ бѣжалъ охваченный какимъ-то смятеніемъ и въ веселомъ до того гулѣ росла тревога.

Нѣсколько десятковъ всадниковъ съ пиками на перевѣсѣхъ неслись на толпу. Приглядѣвшись Рыбко узналъ въ нихъ венгерскихъ гусаръ, тѣхъ самыхъ, что лунцовали австріяковъ 60 лѣтъ назадъ и понялъ все.

Гусары врѣзались въ толпу, опрокидывая по пути подводы, лотки и

людей. Крикъ ужаса песся имъ навстрѣчу, слышались выстрѣлы. Рыбко видѣлъ, какъ нѣсколько десятковъ мужиковъ съ урядникомъ и стражниками бѣжали къ каменнымъ рядамъ, и вскорѣ между гусарами и стражниками завязалась перестрѣлка.

Часть гусаръ разсыпалась по базару, избивая безъ различія мужиковъ и бабъ, и даже дѣтей, часть бросилась въ дома и сосѣднія улицы и скоро черный дымъ поползъ вверхъ по ясному голубому небу. Отрядъ человекъ въ 30 направился къ церкви, въ оградѣ которой столпились прихожане, навстрѣчу имъ вышелъ отецъ Пафнутій и Швыткій.

Офицеръ подошелъ къ отцу Пафнутію и что-то спросилъ его. Отецъ Пафнутій отвѣтилъ и заговорилъ, офицеръ сначала слушалъ, потомъ сталъ выражать петербѣнне и, наконецъ, махнулъ шашкой. Двое гусаръ подбѣжали къ старику и схватили его. Стоявшій рядомъ Швыткій протянулъ было руку, но тотчасъ же упалъ, сабля офицера раздробила

ему голову и гусары врѣзались въ толпу.

Рыбко видѣлъ, какъ кололи и рубили мужиковъ, какъ хватали жепцинь за волосы и таскали по землѣ, какъ изъ рукъ матерей вырывали младенцевъ и бросали ихъ о земь, какъ лилась кровь. Онъ слышалъ, какъ песся мучителямъ проклятія и стоны, какъ молили о пощадѣ, слышалъ ликующіе возгласы побѣдителей надъ безоружной толпой и женицами.

А дымъ подымался все выше и выше и блѣдно-желтое на солнцѣ пламя облизывало стѣны и заборы и съ грохотомъ рушились подгорѣвшія кровли. Ошалѣвшая отъ страха скотина металась съ ревомъ по площади, увеличивая общее смятеніе и растерянность и безпрестанно трещали выстрѣлы засѣвшихъ въ повыхъ каменныхъ рядахъ стражниковъ.

Испуганные голуби заматались и закружились вокругъ колокольни, жалобно воркуя, присѣдали на мгновенье на перила и на выступы и снова взлетали.

Взятіе турецкой батареи.

Рис. А. Панина.

«Пришелъ видно часъ гнѣва Божія,—горестно думалъ старикъ:—напророчилъ Иона несчастье», и вдругъ точно молнія ударила его въ голову одна мысль, онъ повернулся къ своимъ колоколамъ и тревожный набатъ, растунцій вмѣстѣ съ криками и ревомъ пожара, покрывая все, огласилъ окрестность.

VI.

Погромъ росъ, гусары поспѣвали всюду, теперь половина села была въ огнѣ. Выстрѣлы стражниковъ становились рѣже, крики понемногу стихли и въ жуткой, вдругъ наступившей, тишинѣ, иногда раздавался стонъ смертельнаго ужаса. Полъ неба заволочъ дымъ и росъ грозный набатъ. Окровавленные, закопченные дымомъ, гусары, бродили по всему селу, преслѣдуя отдѣльныя жертвы, выносили изъ горящихъ домовъ добро и грузили его на опорожненныя изъ-подъ товаровъ и овощей подводы. Офицеръ распорядился поджечь церковь, но камень не поддавался огню, тогда во дворѣ сложили огромный костеръ и подожгли.

Подходя временами къ периламъ видѣлъ Рыбко, какъ хозяйничали гусары; когда онъ замѣтилъ, что на дворѣ между церковью и колокольней складываютъ костеръ, онъ понялъ, что пришелъ конецъ; каменная церковь долго могла устоять, колокольня же была деревянная, только оштукатуренная снаружи.

Скоро дымъ доползъ по стѣнамъ до верхняго яруса и трудно стало дышать, и глаза слезились. Старикъ собралъ всѣ свои силы и громче, грознѣе гудѣлъ набатъ, но еще грознѣе трещалъ огонь и когда рушились балки нижнихъ ярусовъ и срывали колокола, вся колокольня вздрагивала грозя обваломъ.

Вдругъ пламя стало падать и повалилъ густой дымъ. Потомъ послышалась частая перестрѣлка и донеслось откуда-то русское «ура».

Не вѣря ушамъ, подбѣжалъ старикъ къ периламъ и увидѣлъ казаковъ, которые рубили гусаръ.

Не помня себя отъ радости, онъ ударилъ послѣдній разъ и бросился внизъ по лѣстницѣ.

Нижній ярусъ весь былъ въ огнѣ. Тогда онъ понялъ, что спасенія нѣтъ и снова поднялся на верхъ и опять загудѣлъ набатъ.

Застигнутые врасплохъ гусары бѣжали по всѣмъ направленіямъ, но казаки всюду настигали и имъ тогда уже не было пощады.

Оправившіеся жители принялись за тушеніе пожара, а стражники и часть казаковъ бросились спасать церковь. Тѣло о. Пафнутія и Швыткаго вынесли на площадь и покрыли холстомъ.

Наконецъ, набатъ обратилъ вниманіе офицеровъ, и Рыбко видѣлъ, какъ толстый полковникъ указалъ на колокольню. Тотчасъ же къ колокольнѣ направилось десятка три казаковъ. Но едва подошли они,

какъ рухнули разомъ три яруса и провалились во внутрь. Старикъ еще разъ ударилъ въ колокола, перелѣзъ черезъ перила и бросился внизъ, протянувъ впередъ руки.

Перепуганный на смерть дьяконъ рассказывалъ полковнику о непріятельскомъ нашествіи.

— А мы услышали набатъ и свернули съ тракта,—сказалъ полковникъ, когда дьяконъ кончилъ свой рассказъ.—Теперь день и пожаръ не видѣнъ далеко, только версты за двѣ замѣтили мы дымъ и тогда поняли въ чемъ суть, но, кажется, немного запоздали. Что дѣлать, па то и война.

Въ это время подошелъ хорунжій и доложилъ, что колокольня обрушилась.

— А гдѣ же звонарь?—спросилъ полковникъ.

— Звонарь спрыгнулъ,—отвѣчалъ хорунжій.

— Что? — переспросилъ полковникъ:—спрыгнулъ?

— Такъ точно, г. полковникъ, за минуту передъ тѣмъ, какъ рухнула колокольня, онъ спрыгнулъ, его уже несутъ сюда,—прибавилъ офицеръ, указывая на приближающуюся группу казаковъ.

Тѣло Рыбко положили передъ полковникомъ. Лицо его было ясно и спокойно, на синемъ казакинѣ бѣлѣли два георгіевскіе креста.

— Нашего Краснова полка, да еще георгіевскій кавалеръ,—проговорилъ немного наклонившись полковникъ,—и, снявъ фуражку, перекрестился.

Н. Кузнецовъ.

И Л Ъ Я.

Не татарщина Батыева
Шла на русскія поля—
Поднималась изъ-за Кіева
Вся нѣмецкая земля.

«Ну-ка, вы, сычи заволжскіе!—
Похвалялся красный швабъ:—
«Подавай ключи московскіе,—
«Вашъ Илья давно ослабъ».

«Ахъ, ты, идолице чортово!—
Молвилъ дѣдушка Илья,—
Лучше загодя повертывай,—
Моего не тронь жилья!»

Нѣмецъ—знай—себѣ бахвалится.
Приздумался старикъ:
«Хороша дубова палица
И кулакъ, что пятерикъ».

Впору сумка святогорова
Стала дѣдушкѣ Илья,
Отрезвѣтъ хватило норова,
А враги—что дождь землѣ.

Тучи, буря непопутная
Ни по чемъ для силача—
Все впитаетъ грудь могучая
Все подымутъ два плеча.

Алексѣй Липецкій.

Схватка съ курдами.

Рис. П. Жилина.

Постоянная трапеза для бѣдныхъ у Троицы-Сергія за Москвой.

Проф. К. Ма

ПРАВСУДІЕ

— Филатовъ, къ ротному командиру!—донесся возгласъ изъ-за вала.

Въ потной подслѣповатой землянкѣ ротный командиръ сидѣлъ у стола за кнпой бумагъ, а прапорщикъ изъ судейскихъ и только-что произведенный юноша—подпоручикъ отдыхали на походныхъ койкахъ. Держа шапку какъ на молитвѣ, глазами безпокойно бѣгая отъ офицера къ офицеру, Филатовъ кашлянулъ легонько на стору: дескать—«чего изволите?».

— Ты, Филатовъ, хорошо грамотенъ?—спросилъ ротный.

— Такъ точно, вашбродь... Три класса городского кончилъ.

— Свиныя ты, Филатовъ,—между дѣломъ сказалъ ротный, не отрываясь отъ бумагъ.

Тотъ насторожился: куда это онъ гнетъ? То грамотенъ ли, а то, вдругъ, свиныя. Не проста!

У Филатова такой складъ ума, что въ каждомъ обращеніи, особенно внезапномъ и еще неразгаданнымъ, онъ склоненъ видѣть каверзу—въ добродушіе не вѣрять.

Ротный всталъ, прошелся, задумчиво потеръ переносицу.

— Гмм... Да-съ... Штукенція!..— бурчалъ онъ, а послѣ рѣшительно и грубо закончилъ:—На вотъ тебѣ бумага—прочти. А вечеромъ зайди ко мнѣ.

Когда недоумѣвающій Филатовъ уходилъ, командиръ добавилъ сердито: — Стыдно, братъ! Свиныя! А еще ефрейторъ!

Хотя дулъ холодный вѣтеръ и мело колючій снѣгъ, но Филатовъ развернулъ бумагу здѣсь же возлѣ командирской землянки. На верхней былъ четкій печатный заголовокъ: «Приставъ 2-го участка», на слѣдующей: «Судебный слѣдователь». Въ груди у Филатова екнуло, онъ сразу все понялъ.

— Ну что? — спросилъ «Ашика—вопшь», товарищъ ефрейтора.

— Ничего.

— Зачѣмъ звали?

— Убирайся къ чорту, смола!—свирыло вскрикнулъ Филатовъ и легъ на солому, съ головой завернувшись въ полушубокъ и шинель.

«Ашика-вопшь» удивился. Онъ былъ лучшимъ другомъ Филатова еще съ «воли» и зналъ всѣ его привычки.

— Мишенька, — окликнулъ онъ, спустя время.—Миша!.. Ты разска- залъ бы, а?.. Ужъ не влетѣлъ ли?

— Прикрыли. Бумага отъ слѣдователя.

— А я?—попыхая испуганный голосъ до шопота, спросилъ «Ашика-вопшь».

— Почему я знаю, можетъ и ты.

— О, Господи!..

И такъ, какъ ихъ рота отдыхала въ резервѣ, то никѣмъ не тревожимые, подавленные, съ тяжелыми видѣньями вмѣсто сна—товарищи провалились на солому до вечера.

— Что жъ теперь будетъ?—спросилъ «Ашика», когда Мишка Филатовъ собрался къ ротному.

— По-собачьи начали, по-собачьи и кончимъ. А ты еще чего хотѣлъ?

— О, Господи!—спова вздохнулъ косоглазый «Ашика».

II.

У ефрейтора Мишки Филатова была опредѣленная репутація: отчаянная голова, «на всѣ руки» и

К. Маковский.

«пальца въ ротъ не клади». Когда рота приходила въ хорошо населенныя мѣста, когда по дворамъ привольно бѣгали куры, гоготали утки и надъ крышами курился дымокъ—про Филатова забывали. Никто не интересовался гдѣ онъ, чѣмъ за пять и какому концу села посвятилъ свое вниманіе. Лишь фельдфебель окинетъ его при встрѣчѣ строгимъ взглядомъ и промолвитъ сурово:

— Ты, братъ, у меня того... гляди!..

Когда же ротѣ приходилось туго, когда кругомъ не было ни кола, ни двора—гулялъ лишь вѣтеръ—Мишка оказывался крайне полезнымъ человѣкомъ.

Солдаты въ любомъ положеніи быстро устраивались. У одинокаго холма, обдуваемаго со всѣхъ сторонъ вѣтрами, посреди брошеннаго пепелища, на занесенной снѣгомъ лѣсной полянѣ или въ глубинѣ безлюднаго оврага—они на живую руку что-то смастерятъ, что-то разгребутъ, что-то выдолбятъ, сгрудятся въ кучу, разожгутъ огонь—

глядяшь, грѣются, кипятятъ въ котелкахъ воду. У солдата обязательно припасенъ въ иѣдрахъ вещевого мѣшка сухарь или краюха, а на языкѣ—шутка, съ любимымъ положеніемъ примиряющая, какую угодно невзгоду скрашивающая. Ихъ много, и въ непривычной массѣ своей они ко всему привычны. Подобно отарѣ овецъ, рота съ собою несетъ собственный источникъ тепла, собственный уютъ, собственную «походную обстановку».

Зима же словно бы нарочито обозлилась на людей. Задували ледяные вѣтра, свирѣпо ярился морозъ, выпадали дни, когда все тѣло пудилось отъ холода и пыло, какъ гнилой зубъ.

Вотъ въ такихъ крутыхъ положеніяхъ Филатовъ былъ незаменимъ. Кто-нибудь изъ офицеровъ призывалъ его и говорилъ:

— Послушай, голубчикъ, нельзя ли часкъ обрядить, что ли? Огонь бы растопить, какъ слѣдуетъ... Сообрази, а!

Какое пѣтушиное слово было извѣстно этому солдату—оставалось его тайной. Взявъ съ собою «Анику-воина», онъ пропалъ иногда на нѣсколько часовъ и возвращался на-

груженный припасами, топливомъ, всякой-всячиной. Даже молчаливый товарищъ и сподвижникъ всѣхъ Мишкиныхъ «фокусовъ»—и тотъ удивлялся поху Филатова.

— Откуда что берется! Будто колдунъ какой!

— Помалкивай, Аника,—говорилъ Мишка, подмигивая. — Ты только глянь на нихъ: подпоручикъ ровню дите, прапоръ тоже самое. Да и ротный хоть не подаетъ виду, а лицо по-синѣло. Нужно выручать, братъ ты мой.

— Дока! Изъ-подъ земли выкопаетъ!—изумлялись солдаты.

— Вотъ, вашбродь, медку не угодно ли? Цѣлая банка! А это—сырокъ. Промерзъ, подлый, но это ничего—мы его сейчасъ сунемъ въ жаръ. Тутъ вотъ картошка. Никакая шуба такъ не грѣетъ, какъ печеная картошка. Съ пылу, съ жару! Опять же, вашбродь, отвѣдайте коврижекъ. Чудная сторона: куда ни сунься—вездѣ коврижки, ей-Богу. Даже злость беретъ.

— Ты только смотри, Филатовъ, чтобы безъ озорства, — предупредили его офицеры.—Плати паличными—знаешь, теперь строго.

— Боже упаси, вашбродь!.. Развѣ они возьмутъ?! Да ни за что на свѣтѣ! Такъ и говорятъ: отъ благодарнаго, молъ, населенія.

— Ну-ну, безъ глупостей!

Офицеры щедро платили: д рого яничко къ велику дню. И тѣмъ не менѣе никто, кромѣ Филатова, не умѣлъ достать всѣхъ этихъ вещей, когда кругомъ было глухо, пусто и разорено войной.

— Ловкий парень! Пройдох!—съ одобреніемъ отзывался ротный командиръ.—Навѣрно «реквизируетъ», подлець.

И всѣ сходились въ одномъ:

— Этой мелочи—грошъ цѣна, но не подыхать же отъ голода и стужи, если пѣтъ другихъ способовъ достать припасы! Мало ли чего не случается на войнѣ!

Казань.

Рис. А. Жабя.

Впрочемъ, и случаи такіе происходили не часто.

А въ обыкновенную пору Михаилъ Филатовъ ничѣмъ особеннымъ не выдѣлялся: мерзъ въ окнахъ вмѣстѣ съ ротой, исправно несъ сторожевую службу, съ толкомъ и мѣтко стрѣлялъ безъ заминки ходилъ въ штъки. Когда вызывали на рискованныя дѣла охотниковъ—Филатовъ неизмѣнно высказывалъ впередъ и къ развѣдкамъ у него было врожденное пристрастіе.

— Хорошій солдатъ, но съ «репутацией»,—отзывался о немъ фельдфебель Петръ Митрофановичъ.

И вдругъ пришла эта «переписка»!..

III.

— Интересно знать, у какого умника родилась мысль разыскивать какого-то тамъ Михаила Филатова на войнѣ, въ верстѣ отъ непріятели?—раздраженнымъ тономъ говорилъ ротный командиръ.—Ужъ будто бы это такое важное дѣло, что его не могутъ отложить до конца кампаніи.

— Разумѣется, не давайте,—поддакнулъ подпоручикъ.— Собственно, спорный вопросъ—существуетъ ли такой законъ, чтобы отрывать солдата, когда дѣло касается защиты родины? Онъ и не преступникъ, а только подсудимый. Подозрѣніе—не преступленіе. Судъ можетъ и оправдать.

— Въ томъ-то и дѣло, что Филатовъ уже осужденъ,—возразилъ прапорщикъ.—Въ бумагѣ ясно сказано: «по четыремъ дѣламъ приговоренъ къ тюремному заключенію». Затѣмъ, бѣжалъ изъ-подъ стражи и нынѣ разыскивается еще по тремъ однороднымъ дѣламъ. Мнѣ кажется, какъ опороченный по суду, онъ не имѣетъ права даже носить званіе солдата.

Ротный ходилъ изъ угла въ уголъ, слушая офицеровъ, вставляя свои замѣчанія и въ одно и то же время мучительно обдумывая: какъ поступить?

— Если на время войны приостановлены противъ военнослужащихъ всѣ уголовныя преслѣдованія—тогда иной вопросъ,—говорилъ прапорщикъ.—Присылка этой переписки является просто недоразумѣніемъ. Но если такого изъятія не послѣдовало, то двухъ мнѣній быть не можетъ: Филатовъ подлежитъ отсылкѣ въ распоряженіе слѣдователя.

— А я бы все-таки не отослалъ,—возражалъ упрямо подпоручикъ.

— Это явилось бы незаконнымъ поступкомъ.

— И пусть.

— Такъ можно дойти до полного отрицанія всякой юрисдикціи, до какого угодно произвола.

— Я не юристъ, а сужу по совѣсти,—запальчиво отрѣзалъ подпоручикъ.

— А судьи что же—противъ совѣсти? У насъ, слава Богу, каждая буква закона согласована съ совѣстью.

— Судьи знаютъ изъ біографіи Филатова только его кражи и вердиктъ перваго суда. А мы, офицеры роты, видѣли этого солдата на развѣдкѣ, видѣли въ штыковомъ бою, видѣли съ прострѣленной рукой. Когда Филатова отправляли въ лазаретъ, то онъ Христомъ-Богомъ молилъ оставить его въ ротѣ. Только лихорадка свалила и заставила слечь на двѣ недѣли. Пришлось ротѣ взрывать мостъ—Филатовъ первый полѣзъ въ воду.

Прапорщикъ солидно крякнулъ и возразилъ:

— Ну, что жъ, судъ все это приметъ во вниманіе. Существуетъ и досрочное освобожденіе, и условное осужденіе, и ходатайство о полномъ помилованіи. Но законъ-то долженъ быть соблюденъ. Послѣ поговоримъ и о Филатовѣ, а нынче намъ не до того. Тогда, если останусь живъ, самъ пойду посвидѣтельствовать. Такъ, молъ, и такъ. Можетъ быть краль—не знаю. Но вотъ самъ я, его офицеръ и начальникъ, видѣлъ собственными глазами, какъ этотъ «осужденный» предлагалъ жизнь свою за родину. Да-съ, жизнь! Не годъ тюремнаго заключенія, а всю кровь, всю душу! Вотъ я—берите! За родину, за государство, за эти самые законы, по которымъ его теперь судятъ, за васъ, гг. судьи. Самъ вызывался подъ пули, въ ледяную воду. Изъ десяти—восемь пало. Уцѣлѣлъ случайно, по счастью. И крестъ получить—представленъ!.. Вотъ когда судьи услышатъ все это, то можетъ быть скажутъ: «иди, братъ, съ Богомъ и живи честно, какъ честно сражался».

Отъ возбужденія подпоручика кинуло въ потъ. Ротный командиръ слушалъ его, кивая и улыбаясь.

— Каковъ адвокатъ, а?—спросилъ онъ у прапорщика со смѣхомъ.—Совершенно правильно изволите разсуждать. Не до мертвыхъ буквъ закона, когда вокругъ ожили величайшіе догматы чести и долга. Совѣсть, мораль и все прочее—получили новыя измѣренія, фантастическія и по масштабу, и по духу. Выполни присоединяюсь!

IV.

Въ сѣняхъ кто-то затоналъ, сбивая снѣгъ.

— Кто? Войдите!

Появился ефрейторъ Филатовъ.

— Ну, прочелъ?

— Такъ точно. Осмѣлюсь доложить...

Мишка осѣкся и мялся, глядя въ землю.

— Ну?—подбодрилъ ротный.

Филатовъ заморгалъ внезапно покраснѣвшими глазами и бухнулся на колѣни.

— Встань!

Филатовъ всталъ и проговорилъ запинаясь, торопясь, глядя куда-то въ уголь:

— Осмѣлюсь доложить, вашбродь.. Какъ, значить, все вышло наружу, то явите божескую милость: отправьте меня, чтобы рота не видѣла. Чтобы безъ сраму, вашбродь. И изъ списковъ, чтобы безъ скандалу. Потому, какъ оно выходитъ, опозорилъ я всю часть, такъ пойдутъ разговоры. Сами изволите знать, вашбродь, хотѣлъ заслужить—не вышло.

Было что-то жуткое въ торопливомъ тонѣ ефрейтора. Едва уловимымъ движеніемъ языка онъ скоро-скоро облизывалъ пересохшія губы и, вдругъ, какъ раньше, сразмаха упалъ на колѣни.

— Развѣ жъ я хотѣлъ, вашбродь! Ахъ ты, Господи! Да если бы я зналъ, что вся эта подлость выявится—вотъ крестъ святой!—не вернулся бы съ атаки. Мыслимое ли дѣло, вашбродь! Всю роту!.. Всю роту!..

Какъ-то до странности сильно и глупо вспыхнулъ вдругъ ротный командиръ.

— Идіотъ! Болванъ! Я тебѣ приказалъ встать? Приказалъ? Такъ какъ же ты смѣешь?! Вонъ! Вонъ, мерзавецъ!!

Филатовъ турманомъ вылетѣлъ за дверь, а ротный еще бѣшеннѣй крикнулъ вдогонку:

— Сиди въ сѣняхъ! Жди!

Минутъ десять изъ землянки доносились только быстрые шаги командира. Потомъ прапорщикъ насмѣшливо сказалъ:

— Для насъ, судейскихъ, всѣ эти комедіи—дѣло бывалое. Филатовъ не даромъ сидѣлъ по тюрьмамъ—гравленный волкъ.

— Да замолчите ли вы, прапорщикъ!—вскрикнулъ ротный.— Битый часъ иобалтуйство и побалтуйство! Несносно, наконецъ.

За дверями смолкло совершенно.

УНИОНЪЛ.ГРАДЪ

Бѣгство австрийцевъ отъ перевала Ужокъ подъ натискомъ русской кавалеріи.

Рис. Мстанинъ.

Мишкина голова мало-по-малу остудилась. Холодъ сѣней напомнилъ о томъ, что вотъ теперь пойдетъ жизнь другая—старая. Этапы, сквозняки, надзиратели и грызущая жажда воли.

— По тюрьмамъ!.. Ишь, какой! Ты посиди въ тюрьмахъ, а послѣ разговаривай. Легко ли!

И привычно наладилась «старья» мысли: не ударитъ ли загодя?..

— Войди, Филатовъ, — услышалъ онъ, наконецъ.

Стоя у окна, вѣтъ круга освѣщеннаго лампой, ротный командиръ сказалъ покойнымъ тономъ:

— Ступай въ роту и служи, какъ до сихъ поръ. Бумаги оставь и не болтай. Ничего не было. Кончится война—тогда и видно будетъ.

У ефрейтора мелькнуло желаніе снова кинуться въ ноги, но командиръ возвысилъ голосъ:

— Ну, ступай!

V.

Потеплѣло и оттаяло. Днемъ капало съ крышъ. «Аника-воинъ» въ качествѣ сибиряка негодовалъ:

— Разн жь это зима?! Одно званіе! У насъ коли зима, такъ она тебя въ бараній рогъ крючить, духъ изъ тебя вышибаетъ, а не то, чтобы.

— Ха, ха, ха! Адвокатъ!—смѣялись солдаты.

— Что и говорить—рѣчь!..

— Одно слово—прѣповѣдникъ!

Съ временными оттепелями пришло временное оживленіе. Нѣмцы ворошились за своими окнами, начинали вдругъ неистово палить, а послѣ, словно бы сдуру, шли въ штыки. Возьмутъ окопъ—другой останутъ.

— Маль разбѣгъ!—пронизываютъ наши.

Въ первую же ночь, а иногда сразу же, переходимъ въ контръ-атаку мы. Старья траншеи возвращаются прежнимъ хозяевамъ. Порою въ нихъ находятъ усовершенствованія въ родѣ переносныхъ грѣлокъ, порою же разрушенія, обвалы.

Мишка Филатовъ сталъ менѣе говорливъ, не выказывалъ, какъ прежде, ухарства по пустякамъ и часто твердилъ товарищу:

— Подвигъ нуженъ! Безъ подвигу намъ, братъ ты мой, никакъ невозможно.

Подвига же все не подвертывалось. Тянулася обычная «траншейная пустельга». То въ темную ночь, въ пургу, поползетъ къ нѣмецкому окопу, сниметъ часового и вернется съ каской. А то исчезаютъ они вдвоемъ съ «Ашкой-воинкомъ» и псуютъ какіе-то свертки.

— Поглядимъ иллюминацію!—смѣются въ ротѣ и ждуть.

Дѣйствительно, за полночь, къ утру, съ нѣмецкой стороны доносится глухой тяжелый ударъ. Гигантскій буракъ пламени и дыма вскидывается къверху и постепенно тухнетъ.

— Ловко работаютъ, шельмы! Все онъ. Филатовъ—всему дѣлу голова!—ободряютъ товарищи.

А «подвига» все не выпадало.

— Подвигъ развѣ выдумашь? Онъ самъ родится и находитъ достойнаго,—объяснял Мишка товарищу въ тиши сторожкихъ ночей.

Въ одну изъ внезапныхъ неприятельскихъ атакъ ефрейтора Филатова здорово хлопнуло по головѣ и онъ свалился замертво. Какъ сквозь сонъ слышалъ шумъ боя, крики, выстрѣлы. Послѣ стихло—вѣроятно, потерялъ сознание—а очнулся отъ толчковъ въ бока.

Возлѣ него сидѣлъ на корточкахъ «Аника-воинъ» и методически тузилъ его кулакомъ.

— Съ ума ты спятилъ, чортова дубина!

— Вставай! Идемъ сдаваться,—мрачно заявилъ товарищъ.

— Что?!

— А это видишь?

Надъ ранеными и убитыми копошились неизвѣстные люди. Филатовъ понялъ, что въ плѣну.

— Вотъ тебѣ, дождался подвига!

Перебѣжна въ цѣли.

— Молчи ужь! Скажи спасибо, что растолкалъ тебя. А то эти собаки вразь закопали бы вмѣстѣ съ убитыми.

У «Аники-воина» была перебита лѣвая рука. Конецъ кости торчалъ наружу и вяло капала кровь. Конвойный же подталкивалъ ихъ ружьемъ и показывалъ, что нужно итти.

— Ты, сатана, озвѣрѣлъ. что ли?— грубо сказалъ нѣмцу Филатовъ.— Видишь, раненому перевязаться надо.

Не обращая вниманія на строгость и окрики конвоира, онъ досталъ изъ-за пазухи индивидуальный пакетецъ и кое-какъ перевязалъ товарища. Потомъ, поддерживая другъ друга подъ руки, пріятели пошли. Нѣмецкій солдатъ что-то ворчалъ, вѣроятно, брашлся за медленность.

У Филатова шумѣло въ головѣ и пыло темя. «Аника-воинъ» совсѣмъ ослабѣлъ. Но гнали ихъ безъ передышекъ версты четыре и заперли въ холодной избѣ.

Лишь на третій день Филатовъ окончательно очухался. «Аника-воинъ» валялся тутъ же на холодномъ полу. Его водили на перевязку въ лазаретъ, а послѣ снова вернули въ избу.

— Звѣрье!—ворчалъ Филатовъ.— Погодите! Дайте срокъ!

Окна были замерзши, но Мишка старательно дулъ на стекло изо-рта. Оттаивъ маленькій кружокъ, онъ долго разсматривалъ дворъ, стѣны, входившихъ и уходившихъ людей.

— Будь готовъ. Ночью бѣжимъ,— сказалъ онъ товарищу.

Тотъ не откликнулся. У него началась лихорадка и было все-равно.

VI.

Можетъ быть тяжелое состояніе «Аники-воина» удержало бы Мишку Филатова отъ безумнаго плана бѣжать. Но вошелъ караульный солдатъ и предложилъ:

— Тѣфой хочить хуляйтъ? Мошно полъ-часа.

Расхаживая съ невиннымъ видомъ по двору и глазомъ опытнаго вора схватывая всѣ детали этой импровизированной тюрьмы, ефрейторъ думалъ:

— И не изъ такихъ мѣшковъ выпаранивались! Ого!

Рѣшеніе бѣжать окрѣпло.

— Слышь, Аникей Иванычъ, сегодня въ ночь непременно бѣжимъ. Сберишь съ силами. Если не сейчасъ, то ужь никогда. Утонять къ чорту на кулички.

— Слабъ я, Миша.

— Вздоръ. Понатужься! Здѣсь те-

Нурдъ.

П. Котовъ.

бѣ все одно смерть. Кидають, можно сказать, на произволь судьбы. А дома ляжешь въ лазаретъ, доктора будутъ—выпользуютъ. Главное, возьми себя въ руки. И иди-то всего четыре—пять верстъ. Пристанешь—я помогу.

— Какъ знаешь. Мутить меня.

— Не будь бабой.

До вечера Мишка все принохивался и прислушивался. За стѣной что-то такое привлекло его вниманіе и съ звѣриной осторожностью онъ тулился къ этому краю комнаты. Прикладывалъ ухо, по-собачьи тянулъ воздухъ.

— Тутъ рядомъ есть товарищи,— сказалъ онъ «Аникѣ».

— Кто?

— Богъ ихъ знаетъ. Полагаю, наши—нашей роты. Только насъ они и потрепали третевя дни. Нужно по-смотреть.

Въ комнату къ сосѣдямъ вела дверь, наглухо забитая гвоздями. Какъ только стемнѣло и сквозь окно слабо замигалъ отвѣтъ наружнаго фонаря—Мишка принялся за работу. Отогнулъ гвозди, тихонько оторвалъ рейку и потянулъ дверь. Она оказалась запертой внутреннимъ замкомъ.

— Дѣтская работа!—ворчалъ Мишка, ковыряясь въ скважинѣ гвоздикомъ.—Хе, хе! Чѣмъ задержать вздумали!

Наконецъ, дверь поддалась и

Мишка тѣнью скользнулъ въ темноту.

— Кто здѣсь? Если русскіи—отзовись шопотомъ?—тихо сказала ефрейторъ.

— Здѣсь я—прапорщикъ Перевозовъ.

— Вашбродь?! Вы?! — изумился Мишка Филатовъ.

— У меня ступни отморожены. Контужень въ грудь.

— Тѣфу, угораздило васъ! А идти не можете?

— Ни шагу. Развѣ вотъ съ поддержкой... Вы кто?

— Я-то? Ефрейторъ Филатовъ, вашбродь...

На минуту воцарилось молчаніе. Оба кое-что вспомнили.

— Тутъ со мной Аникей Свистаковъ. Рука у него перешиблена, лихорадка. Мы бѣжимъ сейчасъ, вашбродь.

— Какъ это?

— Бѣжимъ домой. Хотите съ нами, вашбродь?

Прапорщикъ въ темнотѣ зашевелился, но тотчасъ же застоналъ и сказалъ слабо:

— Но какъ же я, голубчикъ? Ноги мои...

— Вынесемъ! — рѣшительно отрѣзалъ Мишка.

— Куда ужъ! Всѣхъ поймаютъ.

— И пусть.

— Дуракъ, за это разстрѣль!

— И пусть! — упрямо повторилъ ефрейторъ.

— А ну-ка, дай плечо, возьми руку—я попробую.

Филатовъ наклонился приподнять прапорщика, поддержалъ.

— Ну, какъ, вашбродь?

— Больно. Огнемъ жжетъ.

— Это пустое. Главное, домой! Тамъ доктора, госпиталь и все. Здѣсь умереть, вашбродь.

— Держи. Идемъ.

Они заковыляли въ комнату Филатова.

— Аникей Иванычъ, готовъ ты!

— Идемъ, идемъ!—заторопился ра-

ненный, а вскочивъ, чуть не упалъ обратно—качала лихорадка.

— Легче, милый! Не пори горячку. Изготовься, да присмотри вотъ за ихъ благородіемъ. Еще нужно окошко высадить.

Работа съ оконной рамой была гораздо проще давнишней. Большой дворъ бѣлымъ пластомъ снѣга уходилъ къ заборамъ. У воротъ висѣлъ керосиновый фонарь и освѣщалъ подъѣздъ и крыльцо. Открытое окошко приходилось въ самый край освѣщенной полосы. Мишка заколебался было, но только на минуту. Выбирать не изъ чего!..

— Голубчики мои!—зашепталъ онъ забывъ о дисциплинѣ и субординаціи.—Христа-ради, подтянитесь вы хоть въ первую минуту. Направо тутъ уголъ дома... Шастъ—и готово! По-мышинному, роднишки! Впередъ я, а вы ко мнѣ на руки, вашбродь. Гопъ!

И Мишка и безпомощный офицеръ чувствовали себя одинаково жутко. А что, если увидятъ изъ окна, если въ эту минуту выглянетъ караульный, появится прохожій!.. Два сердца судорожно замерли, четыре глаза горѣли углями.

— Ффф-у! Стойте здѣсь, прислонитесь къ стѣнкѣ.

Черезъ минуту за угломъ былъ и «Аника-воинъ», тоже принесенный на рукахъ.

— Теперь тихимъ манеромъ... Аникей, не отставай. Вашбродь, держитесь за меня крѣпче. Мои руки пусть останутся въ резервѣ—своими работайте.

Второй трудный этапъ былъ у забора. Высокій, каменный, преподло утыканный по гребню стекляшками, онъ для здороваго Филатова казался ничтожнымъ. Но съ двумя инвалидами это была цѣлая переправа.

— Охъ, если нарвемся, то, видитъ Богъ, не я буду виноватъ,—ворчалъ Филатовъ, перетаскивая по очереди спутниковъ.

— Брось, Миша. Я лучше вер-

нусь. Куда-жъ тебѣ съ двумя калѣками!—плаксиво скулилъ «Аника-воинъ».

— Молчи ужъ ты! Лѣзь, скула несчастная!..

Дальше пошли пустыри села. лѣсокъ, необозримые снѣга и сугробы, крѣпкіе, съ хрустомъ.

— Я потому бѣгу, вашбродь, что въ плѣну мнѣ никакъ невозможно. Зарѣзъ!—говорилъ Мишка прапорщику тихо и убѣдительно.—Развѣ для меня плѣвъ тяжель, или что? Какъ бы не такъ! Видывали мы мѣста почище этихъ нѣмецкихъ, и обращеніе знаемъ позаковыристѣй. Не въ томъ дѣло. Подвигъ мнѣ надобенъ, вашбродь. Какъ сами изволите знать, безъ подвигу мнѣ крышка. Послѣ замрениа опять ступай въ жиганы... А подвигъ гдѣ же сыщешь, кромѣ роты? Только въ числѣ прочихъ можетъ и удостоюсь, ежели пофартишь случай. Вотъ и бѣгу—своя шкура каждому дорога... Эге, да вы совсѣмъ ослабли, вашбродь. Дайте-ка, я васъ возьму на руки—такъ будетъ способнѣй, а то до свѣту не доберемся... Ничего, ничего, не извольте беспокоиться—я жилистый... Тутъ обойти придется ихніе окопы влѣво... Аникей, не отставай! Держись за плечо, братъ. Обопрись...

Отъ усталости и боли у прапорщика шумѣло въ ушахъ, слышался какой-то звонъ, и прыгали огоньки. Руки свѣшивались за Мишкиной спиной, какъ два толстыхъ, болтающихся обрубка. И все дальше отодвигалось окружающее, все покойнѣй становилось на душѣ. Мысль плела странный безсвязный узоръ о чемъ-то знакомомъ, старомъ, смѣшномъ:

— Ай-да мы! Хо, хо, хо! Ёдемъ на саночкахъ... Ха, ха, ха, разступись!.. Приглашаю встать—судь идетъ! О, судь справедливъ!.. Ти-ниъ этотъ Филатовъ! Жуликъ!..

Сбоку же понуро шагала «Аника-воинъ». Въ его пылающей, до одури тяжелой головѣ не было никакихъ мыслей.

Викт. Козловъ.

† В. В. Стрѣльская.

14-го января на кладбищѣ Сергіевскаго монастыря похоронили Варвару Васильевну Стрѣльскую.

Сошелъ въ могилу крупный талантъ русской сцены, одна изъ даровитѣйшихъ драматическихъ артистокъ, вѣрная хранительница старыхъ традицій Александринскаго театра.

Два поколѣнія театраль-ной Россіи наслаждались игрой Варвары Васильевны на сценѣ этого театра и имя ея настолько было связано съ русской сценой, что, казалось, пройдетъ еще полвѣка, а Александринскій театръ и Стрѣльская будутъ такъ же неразлучны и такъ же будутъ дополнять другъ друга. Но тверда рука смерти и настала чередъ и для безсмертной, увя въ воспомина-ніяхъ, артистки.

Современница Каратыгина, Мартынова, Максимова, Шумскаго, — Варвара Васильевна, можно сказать, родилась на подмосткахъ русской сцены. Пятилѣтнимъ ребенкомъ она уже выступала вмѣстѣ съ великимъ Каратыгинымъ въ пьесѣ «Тридцать лѣтъ или жизнь игрока» въ роли Жоржеты. Родители покойной, вѣроятно, вначалѣ предназначили для Варвары Васильевны карьеру балетной артистки и она была опредѣлена въ балетное отдѣленіе петербургскаго театральнаго училища, но тринадцати лѣтъ она уже была переведена въ драматическое отдѣленіе по классу Василько-Петрова.

Въ 1857 году «Бабушка русской

сцены» блестяше дебютировала въ роли Лизы въ «Горѣ отъ ума» и далѣе въ теченіе пятнадцати лѣтъ юная Стрѣльская создала цѣлый рядъ ролей легкомысленныхъ барышень и веселыхъ субретокъ. Одно время Варвара Васильевна выступала и въ опе-

реттахъ, царившихъ на сценѣ Александринскаго театра, но лучшими ея ролями все же были драматическія, а роль Лизы въ «Горѣ отъ ума» въ теченіе этихъ пятнадцати лѣтъ оставалась почти всецѣло въ рукахъ молодой артистки.

Въ 1872 году Стрѣльская, послѣ смерти артистки Линской, начала вы-

ступать въ болѣе отвѣтственныхъ роляхъ и впервые подошла къ тому «своему», съ чѣмъ не разлучалась всю свою долгую жизнь, — Варвара Васильевна начала играть въ пьесахъ Островскаго. Кажется, нѣтъ пьесы великаго русскаго драматурга, въ которой не выступала бы покойная артистка и не создала бы изъ своей роли недосягаемый образецъ.

Любимой пьесой покойной «Бабушки русской сцены» была «Таланты и поклонники», въ которой роль Домны Пантелѣевны она считала своей коронной ролью и самъ Островскій, лично ставившій когда-то эту пьесу, говорилъ покойной, что въ этой роли она сдѣлала все, что надо было.

Пьесъ новыхъ драматурговъ Стрѣльская не любила и, главнымъ образомъ, потому, что языкъ въ этихъ пьесахъ по ея словамъ, не русскій, не такой, какъ у Островскаго, а русскій языкъ «бабушка» и знала, и горячо любила.

Въ теченіе 57 лѣтъ Варвара Васильевна была яркимъ свѣточемъ русской сцены. Сейчасъ этотъ свѣточъ угасъ.

Что утрачено съ этой смертью русской сценой и сценой Александринскаго театра въ особенности, — говорить не приходится. Поклонники ея потеряли свою любимицу артистку, старые артисты идеальнаго товарища, а молодежь — добрую наставницу.

Миръ праху старѣйшей русской актрисы.

В. Ф.

* * *

Молится мать передъ темной старинной иконой:
Господи Боже—Ты видишь всю душу мою,
Видишь тоску мою въ ночи бессонной
И предъ тобою стою...

Господи Боже! внемли Ты молитвѣ усердной:
Вонна сына въ тяжеломъ бою сохрани!
Душу рабы Твоей, матери бѣдной,
За душу сына возьми!

К. Л. Дестомбъ.

На позиціи въ окопахъ.

Туалетъ на позиціи при 4° мороза.

Подготовка тыловой позиціи.

У дерева, сломаннаго германскою бомбою.

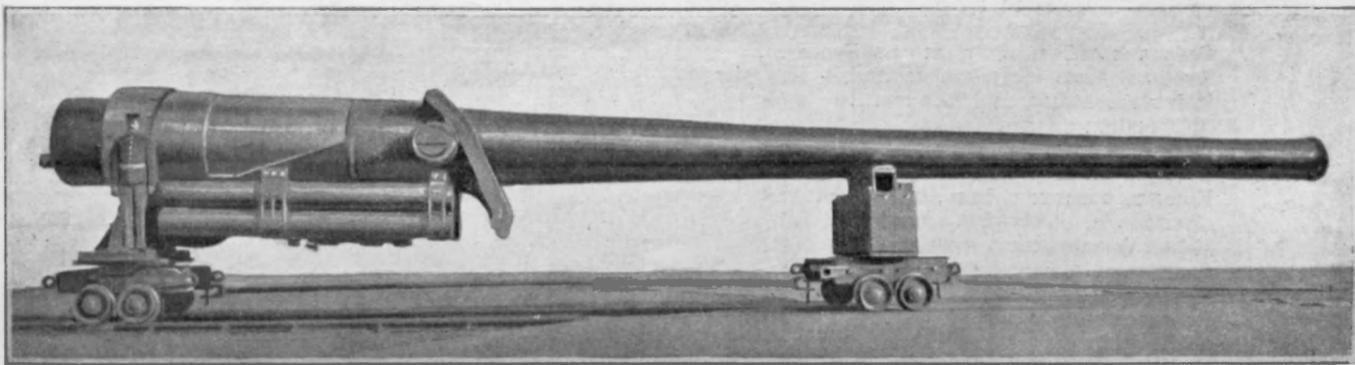
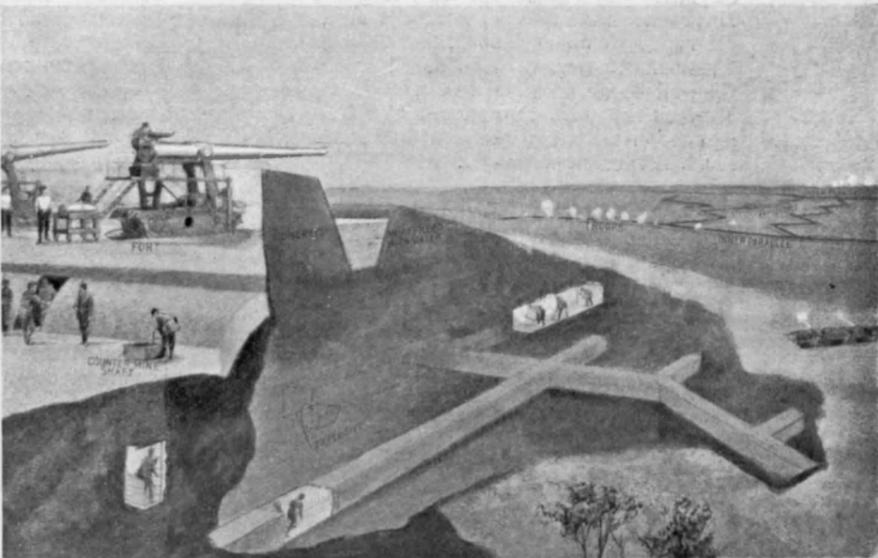
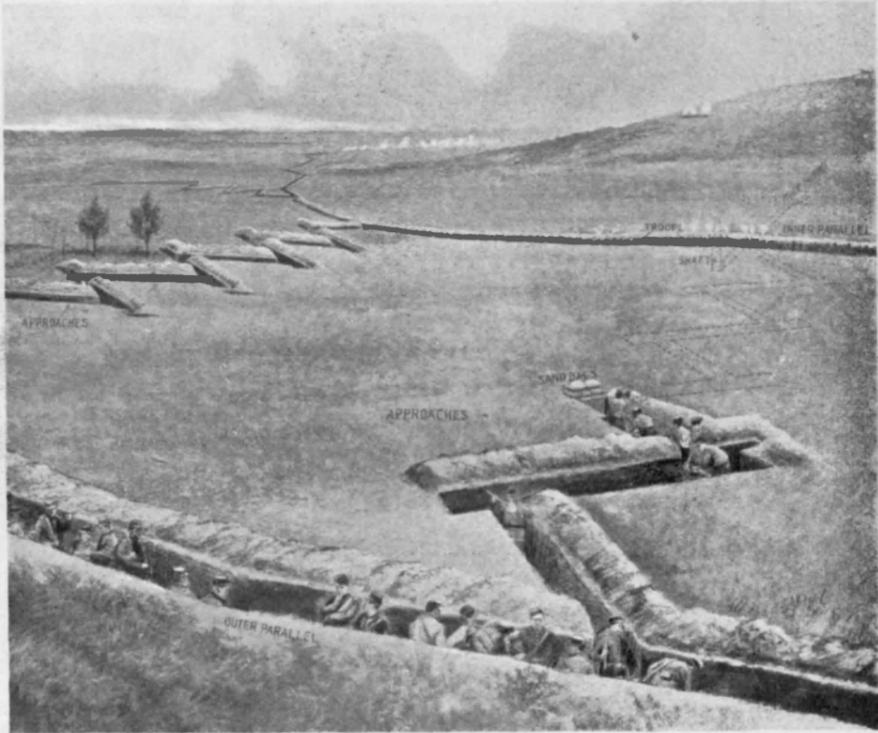

Зимняя развѣдка въ бѣлыхъ халатахъ.

Фортификаціонныя работы.

Прилагаемые рисунки изображают основные приемы инженерного искусства при осаде крепостей. Как известно, эти приемы применяются ныне и у нас в Польшу и во Францию. Первый рисунок изображает подход к крепости сапой. На расстоянии, приблизительно, 4.000 футов от фортов намечается первая параллель; обыкновенно ночью, под огнем, выходит партия саперов, которая и окапывается. Затем, по мере возможности, окоп увеличивается и углубляется так, чтобы получилась достаточно просторная траншея. Японцы около Порт-Артура выкапывали траншеи в шесть футов глубины и 14 футов ширины, так что четыре человека могли проходить в них рядом. От первой параллели начинают выкапывать траншею зигзагом, двигаясь так называемой сапой (откуда и слово «сапер»). Много мешков с песком выбрасываются на землю в головном участке и под прикрытием их, сапер № 1 производит первую выемку земли, расширяемую и углубляемую, затем, последующими его товарищами. Земля всегда выкидывается в сторону неприятеля, для того чтобы увеличить прикрытия. Когда зигзаги протянулись достаточно далеко вперед, проводят вторую параллель и потом, таким же путем, третью.

Вторая картинка изображает, как от третьей параллели под землей пробивают такую шахту, в которой можно было бы устроить взрыв для того, чтобы сразу уничтожить форт или иное средство обороны. Защищающийся старается при этом подкопаться ниже нападающего и помешать его работам взрывами со своей стороны.

14-ти дюймовая пушка на дредноутъ.

Нѣмецкія траншеи у р. Энъ послѣ боя.

Французская батарея.

Новая прусская мода.

Кайзеръ Вильгельмъ призналъ необходимымъ выработать, взаменъ парижской, собственную моду для германскихъ дамъ. Онъ предложилъ сѣрѣя куртки изъ солдатскаго сукна.

Изъ газеты.

Смущенъ былъ кайзеръ: «изъ Парижа
Идутъ къ намъ моды», молвилъ онъ,
«И гордость нашего престижа
Уязвлена... Изгнать ихъ вонъ!
Скорѣй создать такую моду,
Чтобъ воплотить германскій духъ!..»
Придворнымъ такъ сказалъ онъ вслухъ,
А тѣ повѣдали народу...

Пишутъ газеты
Много статей:
Гдѣ вы, примѣты,
Новыхъ затѣй?

Кайзеръ нашъ хочетъ
Моды иной,—
Пусть похлопочетъ
Прусскій портной.

Сдѣлать ли въ стилѣ
Намъ старины,
Чтобъ воплотили
Духа страны...

Моды въ Парижѣ
Не хороши,—
Платья творя же
Намъ за гроши...

Собрался съѣздъ портныхъ въ Берлинѣ,
Чтобъ модный выдумать нарядъ,—
Всѣ вмѣстѣ думаютъ творить....
Художники на цепенлихъ
Летятъ изъ Мюнхена туда жъ,
Въ пути обдумывая темки...
Кричатъ газеты: съѣздъ, ты нѣмкѣ
Костюмъ национальный дашь!
Долой французскую культуру,
Священной древности хвала!
Вернемся къ королю Артуру,
Къ героямъ круглаго стола!..
— Костюмъ Брунгильды! мы проекта
Не знаемъ лучше,—говоритъ

Одинъ художникъ:—нашъ Зигфридъ...
Но эту рѣчь прервалъ вдругъ нѣкто,
Какой-то маленькій портной,
И предложилъ проектъ иной
Въ национальномъ тоже духѣ:
«Задача наша такъ легка,
Ведетъ насъ кайзера рука,—
Сказалъ онъ: женщинѣ три К
Приличны—Kirche, Kinder, Küche...
Такъ создадимъ костюмъ такой,
Чтобъ обезпечить ей покой,
Чтобъ ей въ чаду и въ вѣчномъ потѣ
Жилось легко... Я узнаю
Всегда нѣмецкую семью,
Коль вижу женщину въ капоты...
Капотъ—вотъ лучшій туалетъ,—
Одинъ покрой на сотни дѣтъ!..»

Долго спорили, галдѣли,
Утомились наконецъ,—
Что считать на самомъ дѣлѣ
За нѣмецкій образецъ?

Всѣ кричали громко разомъ,
Но, прервавъ ихъ долгій крикъ,
Кайзеръ самъ рѣшилъ приказомъ:
Ныче въ модѣ только Кгец!

К четвертое теперь я
Ставлю женщинамъ на видъ...
Бросьте кружево и перья,
Декольте меня первить...

На французовъ негодую,
Моду прусскую создамъ:
Куртки сѣрѣя введу я,
Какъ солдатъ, одну дамъ...

Сохраню лишь отголоски
Ихъ кокетливыхъ затѣй:
Ярко красныя полосы
За рождение дѣтей...

Вео.

Шумный успѣхъ.

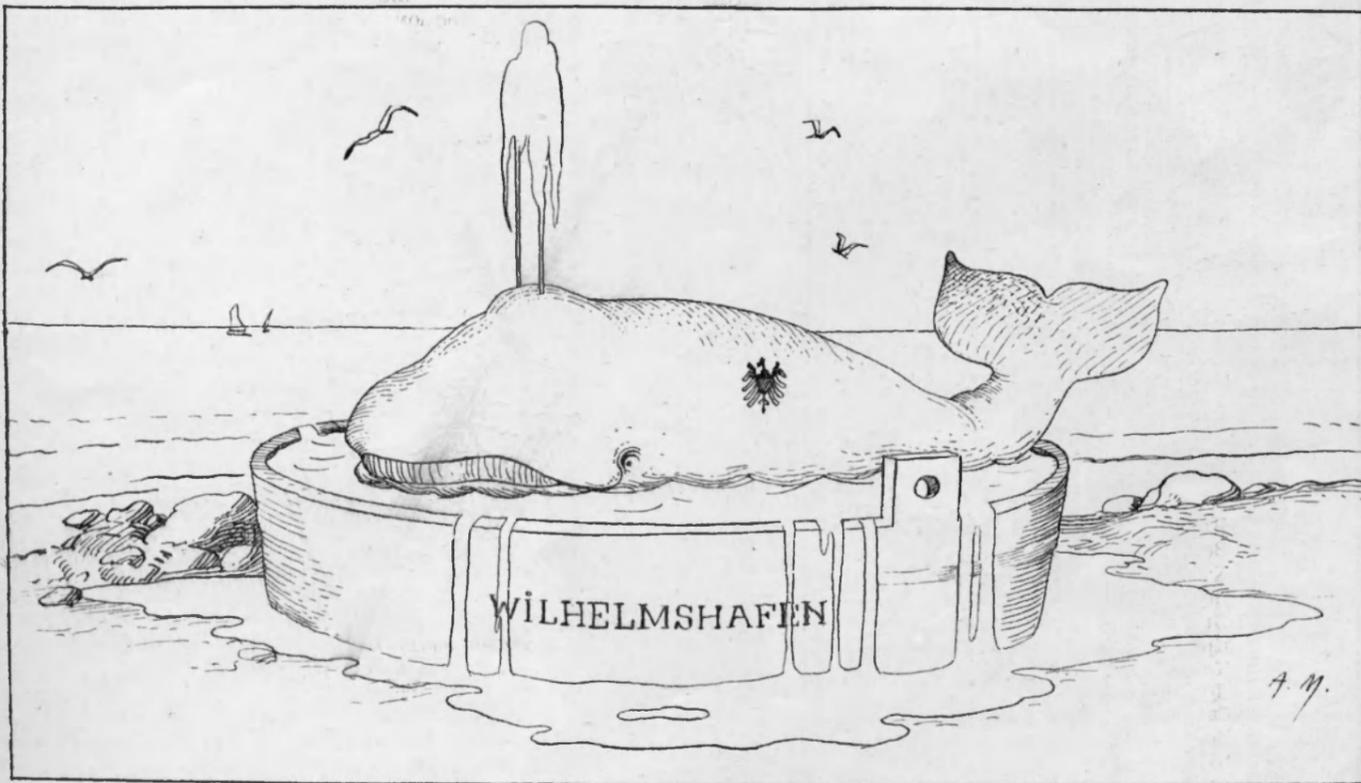
Рис. В. Мушкетова.

 Кто споткнется на ухабѣ,
 Тотъ не ловокъ или слабъ.
 Не таковъ баронъ фонъ-Кнабе
 Для него пустякъ—ухабъ
 О, его не прошибете,
 Коль объ немъ поднимуть крикъ,—
 Онъ сейчасъ же ѣдетъ къ тети,

Къ баронессѣ фонъ-дерь-Шликъ
 «Ахъ! Ма tante, какъ много грязи
 Лютъ на насъ со всѣхъ сторонъ.
 Утверждаютъ, что я quasi—
 Лошадь скрылъ, забывъ законъ».

Тетя въ ходъ пускаетъ связи
 И какъ голубь чистъ баронъ.

К. М. В.

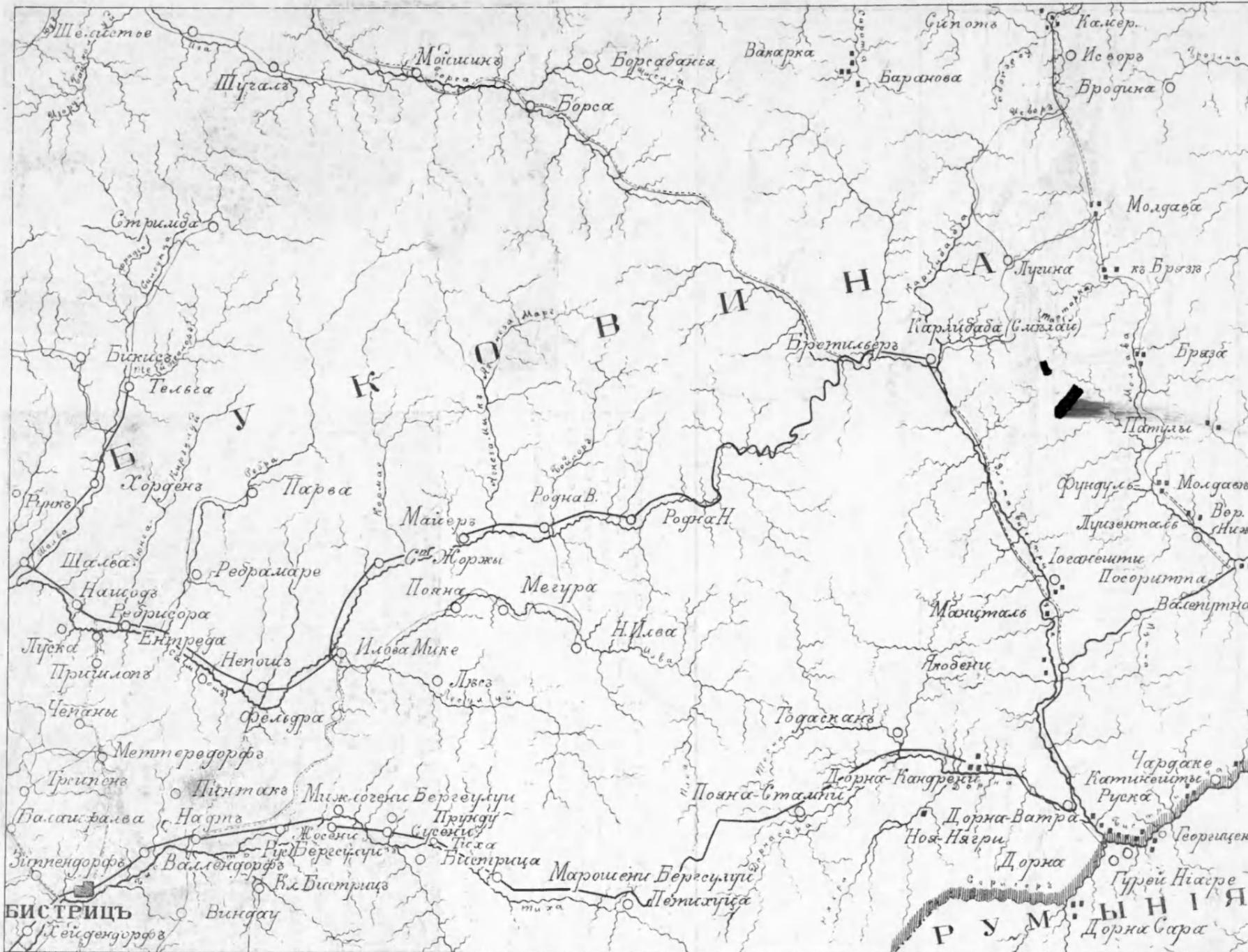

Германскій флотъ.

Кар. А. М.

КАРТА ЮГОЗАПАДНАГО ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

Цѣна номера 25 коп.